

Б. Д. ПАРЫГИН,
действительный член Международной академии психологических наук,
Академии гуманитарных наук, Балтийской педагогической академии,
Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ

В качестве одной из наиболее актуальных социально-психологических проблем на пути духовной эволюции современной России, как нам представляется, является необходимость преодоления тех барьеров, которые связаны с огромной силой инерции прежних парадигм во взаимодействии духовно-нравственных и социокультурных ориентиров и ценностей, с одной стороны, и идеологических и политических акцентов и императивов, с другой.

Иными словами, встает вопрос о том, насколько стратегия демократизации, деполитизации и деидеологизации как некая альтернатива тоталитарной системы может адекватно отразиться на судьбах культуры, образования и общественных наук как важнейших составляющих процесса духовной эволюции российского социума.

Ответ на этот вопрос нам не представляется однозначным в силу все более очевидных социально-психологических барьеров на пути развертывания названной выше тенденции, которая идет вразрез с достаточно укорененной традицией привязки духовной сферы жизнедеятельности (в том числе образования и гуманитарных наук) к политическим и идеологическим институтам в истории России задолго до октября 1917 года.

Нельзя не согласиться с известным историком А. Ф. Замалеевым, который отмечает то существенное обстоятельство, что «в отношении к русской философии преобладающей тенденцией всегда остается идеологизм. Историко-философский процесс в России сводился либо к эволюции “по пути к марксизму”, либо к идиллической встрече философии и православия. В результате русская философия превращалась в подмости для идеологических декораций, которые менялись в зависимости от политической конъюнктуры» (Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. М., 1995).

На наш взгляд, данная тенденция уходит своими корнями в глубинные основы архетипа российского менталитета и характера народа с присущей ему доминантой идеологически окрашенных ценностей — веры (в том числе и прежде всего религиозной), искания смысла бытия, чувств соборности, равенства, справедливости, совести и т. д. Недаром Достоевский говорил об отличии ценностей русского народа, который живет “Духом”, а не “Рамой”, как человек Запада. А “неистовый” Виссарион Белинский восклицал: “Социальность, социальность — или смерть”, подчеркивая характерный для россиянина взгляд на все через призму социальности.

Есть все основания говорить о том, что и сегодня идеи социальной справедливости и особой значимости духовных ценностей вновь приобретают все большее значение. Последнее связано прежде всего с интенсивным процессом роста социальной дифференциации населения по уровню жизни. С меньшей силой духовные ценности стимулируются и тенденциями регионализации и территориальной автономизации, несущими в себе угрозу распада России как целостного государственного образования. В качестве противовеса этим разрушительным тенденциям все более популярными становятся не только идеи, но и в целом самосознание значимости духовно-психологического единства россиян, необходимости подкрепления последнего средствами идеологической интеграции.

В современной ситуации глобального кризиса, переживаемого российским социумом, становится особенно ощутимой и болезненной для его судьбы полная утрата многих прежних политических и идеологических скреп и опор, цементирующих (хотя заодно и подавлявших многие инновации в сфере науки, культуры и гуманитарного образования) его фундамент. В результате этого возникает известный вакуум там, где на месте старых должны были бы возникнуть новые идеологические ценности и опоры, способные интегрировать общество и государство. В этом качестве должна была бы выступить новая концепция жизни и перспектив развития российского общества, способная аргументированно ответить на традиционные вопросы: “кто виноват?” и “что делать?”, равно как и “в каком обществе мы живем?” и “какое строим?”. Без ответа на эти вопросы не может быть обеспечено развитие российского самосознания, культуры, науки и гуманитарного образования. Вот почему попытки дискредитации идеологии как таковой встречают достаточно сильное сопротивление с ее стороны. И в этом парадоксальность складывающейся ситуации. Ведь стратегия развития гуманитарного образования нуждается в прочных идеологических опорах, а опереться можно лишь на то, что не поддается давлению, а сопротивляется ему.

Но задача концептуального и идеологического обеспечения видения перспектив развития гуманитарного образования и науки наталкивается (кроме названного выше) еще и на другой социально-психологический барьер. Последний связан с характерной для российского менталитета в целом и для интеллигенции в частности способностью легко увлекаться яркой идеей и отсутствием склонности к скрупулезному анализу “фактов”, разработке строгой и выверенной концепции своего развития.

Выступая весной 1918 года в Петрограде с публичными лекциями “Об уме вообще и русском в частности”, великий русский ученый, академик И. П. Павлов упрекал “прогрессивную” русскую мысль в том, что она не столько заботилась “о просвещении и культивировании народа, сколько о его революционизировании”, что “русский ум не привязан к фактам”, что идеей диктатуры пролетариата мы “мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является еще грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план”. В аналогичном ключе рассуждал и М. Горький в “Несвоевременных мыслях”, предупреждавший русскую интеллигенцию о преждевременности социалистической революции в неподготовленной к ней крестьянской стихии, когда этой революции не предшествовал период культурного строительства. Да и саму интеллигенцию М. Горький упрекал за неспособность противопоставить социальному произволу и несправедливости личности ничего вразумительного, кроме брюзжания.

Сегодняшняя ситуация не представляет исключения из этого правила. Благородный порыв к радикальному обновлению, выстраданный российской интеллигенцией уже в 60-х годах XX века, но не подкрепленный сколько-нибудь фундаментальной концепцией или, что то же самое, предвидением хода реальных перемен, ныне обернулся глобальным и разрушительным кризисом всего общества.

Драматический парадокс этого положения состоит в том, что отсутствие необходимой концепции общественного развития является скорее результатом неостребованности, чем показателем реального творческого потенциала российской интеллигенции, скорее ее недостаточной психологической готовностью к диалогу со своими оппонентами и другими субъектами социального действия, чем неспособностью найти конструктивную альтернативу нынешнему кризису.

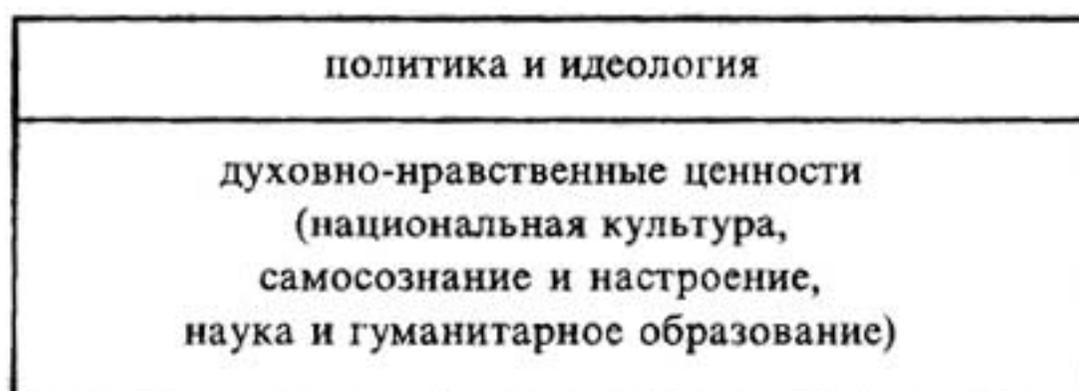
Однако вернемся к исходному тезису относительно деидеологизации и деполитизации как условий свободного и независимого развития гуманитарного образования и науки. Можно ли совместить его со всем тем, о чем только что говорилось выше, как о совершенно противоположной и столь же обоснованной тенденции?

Если исходный тезис о необходимости освобождения гуманитарного образования и науки от давления идеологических и политических структур оставить в силе, то вопрос этот можно сформулировать и иначе: есть ли альтернатива прежнему наследию подчиненности духовной жизни общества (в том числе науки, культуры и образования) политическому и идеологическому диктату?

На наш взгляд, есть все основания для того, чтобы такую альтернативу предложить. Она, по нашему глубокому убеждению, состоит в смене парадигм, характеризующих взаимосвязь и взаимозависимость политико-идеологических духовно-нравственных структур и приоритетов в системе распределения социальных ценностей и доминант российского социума.

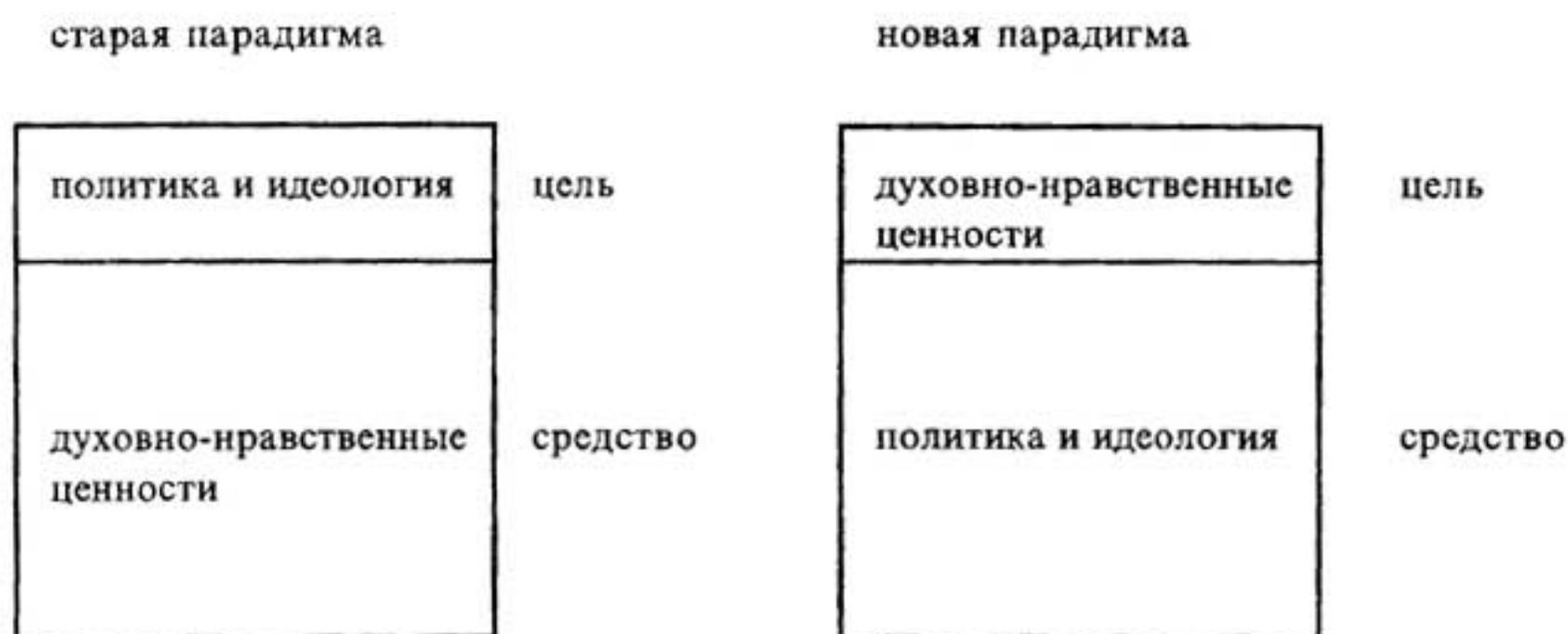
Прежняя парадигма взаимосвязи и соподчинения этих структур может быть представлена такой моделью, у которой в вершине в качестве цели выступает политика и идеология, а в качестве средств, обеспечивающих ее доминирующую и приоритетную роль, равно как и подчиненных первым, — духовно-нравственные ценности, представленные национальной культурой, национальным самосознанием и общественным настроением, наукой и гуманитарным образованием (см. рис. 1).

Старая парадигма

Нам представляется назревшей и правомерной тенденцией, отвечающей социальному заказу и духу времени, необходимость смены старой парадигмы на новую, построенную по альтернативному принципу доминирования духовно-нравственных ценностей над идеологическими (см. рис. 2).

Смена парадигм

Идея такой перестановки акцентов и представлений о приоритетных и доминирующих ценностях в структуре традиционной модели социума, конечно, нуждается в дальнейшем анализе с точки зрения того, насколько она может быть воплощена в реальный алгоритм жизнедеятельности.